

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Д. Д. ТУМАРКИН

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ НАРОДОВ ОКЕАНИИ В СССР *

Этнографическое изучение народов Океании имеет в нашей стране давние и богатые традиции. Крупный вклад в эту отрасль науки внесли В. М. Головнин, О. Е. Коцебу, И. Ф. Крузенштерн, Ю. Ф. Лисянский, Ф. П. Литке и другие русские мореплаватели первой половины XIX в.¹ Особенно много уникальных этнографических описаний и коллекций оставили эти мореплаватели по Гавайским, Маркизским, Каролинским и Маршалловым островам. Как известно, ряд населенных островов в последних двух архипелагах был открыт О. Е. Коцебу и Ф. П. Литке. Общеизвестны научные заслуги замечательного путешественника и ученого Н. Н. Миклухо-Маклая, который в 70—80-х годах прошлого столетия провел несколько лет на северо-восточном берегу Новой Гвинеи, куда до него не ступала нога европейца, а также посетил ряд других островов Тихого океана².

Для русских исследователей Океании характерно было дружелюбное и гуманное отношение к изучаемым народам, уважение к их самобытной культуре, вера в неограниченные возможности человека независимо от цвета его кожи. «Обширный ум и необыкновенные дарования,— писал, например, В. М. Головнин,— достаются в удел всем смертным, где бы они ни родились, и если бы возможно было несколько сот детей из разных частей земного шара собрать вместе и воспитывать по нашим правилам, то, может быть, из числа их с курчавыми волосами и черными лицами более вышло бы великих людей нежели из родившихся от европейцев»³. Н. Н. Миклухо-Маклай страстно протестовал против угнетения островитян Тихого океана европейскими и американскими моряками, торговцами и плантаторами, пытался отстоять независимость папуасов северо-восточной Новой Гвинеи⁴. Советские этно-

* Доклад, представленный X Тихоокеанскому научному конгрессу (Гонолулу, август — сентябрь 1961 г.).

¹ L. Sternberg, Ethnography. В кн.: «The Pacific Russian Scientific Investigations», Leningrad, 1926; Б. А. Липшиц. Этнографические исследования в русских кругосветных экспедициях первой половины XIX в., Сб. «Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии», Труды Ин-та этнографии АН СССР, новая серия, т. XXX, М., 1956.

² Я. Я. Рогинский и С. А. Токарев, Н. Н. Миклухо-Маклай как этнограф и антрополог. В кн.: Н. Н. Миклухо-Маклай, Собр. соч., т. II, М.—Л., 1950.

³ В. М. Головнин, Путешествие вокруг света в 1817, 1818 и 1819 годах, СПб., 1822, стр. 337—338.

⁴ Н. А. Бутинов, Н. Н. Миклухо-Маклай. (Биографический очерк), в кн.: Н. Н. Миклухо-Маклай, Собр. соч., т. IV, М.—Л., 1953.

графы-океанисты бережно хранят и развивают эти благородные традиции.

Теоретической основой исследований советских этнографов служит исторический материализм, который дает возможность правильно устанавливать причинную связь явлений и успешно решать проблему соотношения частного, конкретного с общим, требует последовательно-исторического подхода ко всем изучаемым явлениям и событиям. Советские этнографы стремятся к новым выводам и обобщениям на основе критического использования всех доступных им источников⁵.

Некоторые зарубежные ученые полагают, что этнографы СССР во всем следуют за Л. Г. Морганом, чей выдающийся труд «Древнее общество» был в свое время высоко оценен Марксом и Энгельсом. Мы разделяем основную идею Morgana — идею прогрессивного поступательного развития человечества на базе развития материальных производительных сил, придерживаемся многих выдвинутых им частных положений. В то же время мы пересматриваем те гипотезы и выводы Morgana, которые устарели в свете новых данных науки⁶.

Для этнографов СССР характерен прежде всего большой интерес к хозяйству и материальной культуре народов Океании. Эти вопросы рассматриваются не только в специальных работах, но и в исследованиях более общего характера, а также в статьях, посвященных рассмотрению других сторон культуры и быта коренного населения тихоокеанских островов⁷. При этом особое внимание уделяется анализу своеобразных черт в развитии местных производительных сил и их влиянию на общественные отношения. Принципиальное значение, на наш взгляд, имеет решение вопроса об уровне развития производительных сил полинезийцев.

Имеющиеся данные позволяют предполагать, что предки полинезийцев, обитавшие на их восточноазиатской прародине, находились на довольно высокой ступени развития и, в частности, знали металлы и гончарство. Эти технические знания были ими утрачены в новых природных условиях, после переселения на острова Океании, в первую очередь из-за отсутствия там необходимого сырья. Однако в процессе активного приспособления к новой естественной среде полинезийцам удалось компенсировать исчезновение некоторых отраслей хозяйства и техники поразительно высоким развитием других отраслей (выработкой весьма совершенной техники изготовления орудий и других изделий из камня, кости, раковин и дерева, созданием высокопродуктивной системы интенсивного тропического земледелия, местами с применением удобрений и искусственного орошения, развитием изощренного рыболовческого хозяйства, расцветом судостроения и мореплавания). В результате уровень развития производительных сил — основной показатель культурного развития — не понизился, хотя производительные силы приобрели

⁵ Под этнографией в СССР понимается наука, всесторонне исследующая особенности культуры и быта различных народов или этнических групп внутри того или иного народа и рассматривающая каждое явление в его историческом развитии. См.: С. П. Толстов, Основные теоретические проблемы современной советской этнографии (Доклад на VI Международном конгрессе антропологов и этнографов), «Сов. этнография», 1960, № 6.

⁶ См. передовую статью «Ф. Энгельс и проблемы современной этнографии», «Сов. этнография», 1959, № 6; С. П. Толстов, Указ. раб.; Д. А. Ольдерогге, Основные черты развития систем родства (Доклад на VI Международном конгрессе антропологов и этнографов), «Сов. этнография», 1960, № 6.

⁷ См., например: «Народы Австралии и Океании» (под ред. С. А. Токарева и С. П. Толстова), М., 1956; В. М. Бахтa, Производительные силы папуасов залива Астралабия, «Океанийский этнографический сборник», Труды Ин-та этнографии АН СССР, т. XXXVIII, М., 1957; Н. А. Бутинoв, Маори (Историко-этнографический очерк), там же; Д. Д. Тумаркин, К вопросу о формах семьи у гавайцев в конце XVIII — начале XIX в., «Сов. этнография», 1954, № 4.

несколько иной вид. Такая оценка позволяет дать строго материалистическое объяснение довольно высокому уровню общественного развития полинезийцев, вскрыть материальные предпосылки их богатой духовной культуры.

Однако весьма длительный и трудный процесс заселения и освоения островов, разбросанных по бескрайним просторам океана, а также ограниченность местных природных ресурсов не могли не задержать постулатного развития производительных сил и культуры в целом. Поэтому к началу великих географических открытий, ознаменовавших наступление эры колониализма, полинезийцы, как и другие народы Океании, отстали в своем историческом развитии от передовых народов Старого Света.

Ценным подспорьем при изучении материальной культуры народов Океании служат для нас богатые коллекции Музея антропологии и этнографии в Ленинграде, большая часть которых была собрана в XIX в. Эти коллекции замечательны своей разносторонностью и содержат немало уникальных предметов (плащ и накидки из перьев с Гавайских островов, таблички с письменами и старинные деревянные статуэтки с острова Пасхи, глиняные изображения предков с Новой Гвинеи и др.). Институт этнографии Академии наук СССР, в чьем ведении находится этот музей, в 1950—1954 гг. издал пятитомное собрание сочинений Н. Н. Миклухо-Маклая, где в последнем томе помещены фоторепродукции всех его рисунков и предметов из привезенных им коллекций, а также их научное описание⁸. Кроме того, опубликованы иллюстрированные научные описания имеющихся в этом музее коллекций с Гавайских островов и острова Пасхи, а также коллекции Ф. П. Литке, привезенной с Каролинских островов⁹. Статьи о новозеландских и маркизских коллекциях находятся в печати.

Одно из важнейших направлений наших исследований — изучение на материале конкретных этнических общностей Океании закономерностей развития первобытно-общинного строя. Здесь необходимо прежде всего указать на работы С. А. Токарева, который еще в 1929—1933 гг. опубликовал два больших исследования, посвященных рассмотрению процесса развития и разложения родовой организации в Меланезии и путей возникновения там общественных классов и государственности¹⁰. В 1958 г. тот же автор опубликовал статью, в которой, основываясь на изучении развития общественных отношений на островах Тонга, попытался определить некоторые особенности формирования классов в Полинезии, причем уделил особое внимание выяснению роли такого фак-

⁸ Н. Н. Миклухо-Маклай, Собр. соч., т. I—V, М.—Л., 1950—1954. В это собрание сочинений включен ряд прежде не публиковавшихся работ. Издание снабжено статьями о жизни и деятельности Н. Н. Миклухо-Маклая и обширными комментариями. Описание антропологического материала, собранного этим ученым, см. в статье: П. Ф. Тараторкина, Черепа папуасов из коллекции Н. Н. Миклухо-Маклая, Сборник Музея антропологии и этнографии (в дальнейшем цит. Сб. МАЭ), т. XII, М.—Л., 1949.

⁹ Ю. М. Лихтенберг, Этнографические описание коллекции Ф. П. Литке, Сб. МАЭ, т. XVI, М.—Л., 1955; е е же, Гавайские коллекции в собраниях Музея антропологии и этнографии, Сб. МАЭ, т. XIX, М.—Л., 1960; Н. А. Бутинов и Л. Г. Розиная. Коллекция с о. Пасхи в собраниях Музея антропологии и этнографии Академии наук СССР, Сб. МАЭ, т. XVIII, М.—Л., 1958.

Описание новогвинейских копьеметалок см. в статье: О. В. Гиршфельд, Копьеметалки по материалам этнографических музеев Москвы и Ленинграда, Сб. МАЭ, т. XIV, М. Л., 1953. Об этнографической коллекции И. М. Симонова, собранной на островах Тихого океана и находящейся ныне в музее Казанского ун-та, см.; Н. И. Воробьев, Е. П. Бусыгин и Г. В. Юсупов, Этнографические наблюдения И. М. Симонова на островах Тихого океана, «Известия Всесоюзного географического общества» (в дальнейшем цит. Изв. ВГО), т. 81, № 5, М.—Л., 1949.

¹⁰ С. А. Токарев, Общественный строй меланезийцев, «Этнография», 1929, № 2—4; е го же, Родовой строй в Меланезии, «Сов. этнография», 1933, № 2—6.

тора, как генеалогическое старшинство¹¹. Следует отметить также работы А. И. Блинова и Н. А. Бутинова, в которых исследуется развитие форм собственности и разделения труда у народов Океании, а также вырастающие на этой основе формы обмена¹².

Советские этнографы изучают на океанийском материале развитие ранних форм семьи и систем родства. И в этих вопросах они следуют по пути, намеченному Морганом, но вносят в его концепцию необходимые коррективы. Так, изучив сообщения русских и английских мореплавателей конца XVIII — начала XIX вв. о формах семьи у гавайцев, автор настоящего доклада вслед за рядом западных исследователей показал ошибочность толкования Морганом существовавших на Гавайях пуналуальных отношений как формы группового брака. При этом удалось установить, что Морган был введен в заблуждение американскими миссионерами, которые неправильно информировали его о брачных обычаях гавайцев¹³.

Советские этнографы считают, что в системе родства отражается социально-экономическая структура соответствующего общества, взятая в ее историческом развитии. Отражая реальные общественные отношения, система родства изменяется в связи с развитием общества, что не исключает возможности сохранения в ней в течение довольно продолжительного времени отдельных пережиточных терминов родства.

Еще Риверс, Турнвальд, Штернберг и некоторые другие исследователи отмечали, что малайские (гавайские) черты в системах родства возникают в результате упрощения турано-ганованских систем. Однако из этих отдельных замечаний не делалось общего вывода о вторичности малайской системы. Такой вывод был сделан А. М. Золотаревым и затем дальше развит в трудах другого советского исследователя — Д. А. Ольдерогге¹⁴. Проанализировав большой фактический материал, Д. А. Ольдерогге показал, что в основе систем родства турано-ганованского типа, распространенных в Меланезии, лежит принцип экономического единства рода, тогда как малайский тип системы родства, характерный для Полинезии, возникает в результате распада родовой организации¹⁵.

Пытаясь объяснить все затруднительные случаи при истолковании той или иной терминологии родства, Колер, Риверс и некоторые другие западноевропейские последователи Морганя начали конструировать различные типы аномальных браков, якобы существовавших в изучаемых ими обществах. Однако этим они лишь запутывали вопрос и облегчали критику положений Морганя. Советский этнограф Ю. М. Лихтенберг, изучив системы родства обитателей меланезийских островов Рага (Пентекост) и Амбрим, а также некоторых австралийских племен, пришла к выводу, что обозначение одним термином родства лиц разных поколений и разных степеней родства объясняется не аномальными фор-

¹¹ С. А. Токарев, Происхождение общественных классов на островах Тонга. «Сов. этнография», 1958, № 1.

¹² А. И. Блинов, Партнерство (К вопросу о ранних формах обмена), Труды Ин-та этнографии АН СССР, т. II, М.—Л., 1947; Н. А. Бутинов, Разделение труда в первобытном обществе, Сб. «Проблемы истории первобытного общества», Труды Ин-та этнографии АН СССР, т. LIV, М.—Л., 1960.

¹³ Д. Д. Тумаркин, Указ. раб.

¹⁴ А. М. Золотарев, К истории ранних форм группового брака, «Ученые записки Исторического факультета Московского областного педагогического ин-та», т. 2, М., 1940; Д. А. Ольдерогге, Малайская система родства, Сб. «Родовое общество», Труды Ин-та этнографии АН СССР, т. XIV, М., 1951; его же, Некоторые вопросы изучения систем родства, «Сов. этнография», 1958, № 1 (английский перевод в «Significant Anthropology», т. 2, № 2, Chicago, апрель, 1961).

¹⁵ Д. А. Ольдерогге, Основные черты развития систем родства (Доклад на VI Международном конгрессе антропологов и этнографов), «Сов. этнография», 1960, № 6.

мами брака, а групповым характером терминов, порожденных обязательными формами кросс-кузенного брака¹⁶.

Советские ученые изучают также этногенез и этническую историю народов Океании, привлекая для этого данные археологии, антропологии, этнографии и лингвистики¹⁷. Мы с интересом следим за текущими полевыми исследованиями в Океании и смежных районах Юго-Восточной Азии, надеясь, что эти исследования прольют новый свет на ряд нерешенных этногенетических проблем.

Религиозные верования народов Океании дают богатый материал для изучения ранних форм религии и отражения в ней общественных отношений. Так, старинные меланезийские культы позволяют судить о характерных чертах религии эпохи расцвета и начала разложения первобытно-общинного строя, а пантеон великих полинезийских божеств служит ярким примером религии слагающегося классового общества. Исследуя эти верования и обряды, советские этнографы не склонны, однако, переоценивать их и без того важное значение в жизни первобытного общества и считают необходимым возможно полнее изучить положительные знания, имевшиеся у островитян Тихого океана до начала их контактов с европейцами¹⁸. В СССР начато также изучение таких сторон самобытной культуры народов Океании, как фольклор, изобразительное искусство, танцы и зачатки театральных представлений¹⁹.

Молодой советский ученый Б. Г. Кудрявцев, безвременно погибший в 1943 г., незадолго до своей смерти обнаружил параллельные тексты на сохранившихся табличках с письменами кохау ронго-ронго²⁰. Это открытие, позволившее перейти от сравнения отдельных знаков к поискам структуры и смысла целых надписей, было крупным шагом вперед в изучении письменности острова Пасхи. Исследования Кудрявцева были продолжены ленинградскими учеными Н. А. Бутиновым и

¹⁶ Ю. М. Лихтенберг, Система родства о. Рага и вопрос о геронтократии в Меланезии. Сб. МАЭ, т. XII, М.—Л., 1949; ее же, К вопросу о так называемых аномальных формах брака, «Сов. этнография», 1959, № 2; ее же, Австралийские и меланезийские системы родства (турано-ганованского типа) и зависимость их от деления общества на группы, Сб. «Проблемы истории первобытного общества», Труды Ин-та этнографии АН СССР, т. LIV, М.—Л., 1960.

¹⁷ М. Г. Левиц, Проблема пигмеев в антропологии и этнографии, «Сов. этнография», 1946, № 2; Н. Н. Зубов, О путях заселения Гавайских островов и острова Пасхи, Изв. ВГО, т. 81, № 1, М.—Л., 1949; В. В. Бунак и С. А. Токарев, Проблемы заселения Австралии и Океании, Сб. «Происхождение и древнее расселение человечества», Труды Ин-та этнографии АН СССР, т. XVI, М., 1951; Н. Н. Чебоксаров, Основные принципы антропологических классификаций, там же; «Народы Австралии и Океании», гл. 12; В. В. Бунак, Человеческие расы и пути их образования, «Сов. этнография», 1956, № 1; Г. Ф. Дебец, Опыт графического изображения генеалогической классификации человеческих рас, «Сов. этнография», 1958, № 4.

¹⁸ Л. Я. Штернберг, Первобытная религия в свете этнографии, Л., 1936; «Народы Австралии и Океании», гл. 17, 18, 28, 29, 34; М. С. Бутинова, Н. Н. Миклухо-Маклай о религии папуасов, «Ежегодник Музея истории религии и атеизма», вып. 2, М.—Л., 1958; ее же, Начатки знаний у папуасов Новой Гвинеи, там же, вып. 3, М.—Л., 1959; С. А. Токарев, Возникновение религии, в кн.: «Основы научного атеизма», М., 1961.

¹⁹ В. Я. Пропп, Исторические корни волшебной сказки, Л., 1946; «Народы Австралии и Океании», гл. 18, 28; Е. М. Мелетинский, Мифологический и сказочный эпос меланезийцев (По материалам фольклора гунантуна), «Океанийский этнографический сборник», Труды Ин-та этнографии АН СССР, т. XXXVIII, М., 1957; Н. А. Бутинов и Л. Г. Розина, Указ. раб.; А. Д. Авдеев, Происхождение театра. Элементы театра в первобытно-общинном строе, Л.—М., 1959; В. Р. Кабо, Искусство Австралии и Океании, в кн.: «Всеобщая история искусств», т. II, М., 1961.

²⁰ Б. Кудрявцев, Письменность острова Пасхи, Сб. МАЭ, т. XI, М.—Л., 1949; см. также Д. А. Ольдерогге, Параллельные тексты некоторых иероглифических таблиц с острова Пасхи (По неопубликованным данным Б. Г. Кудрявцева), «Сов. этнография», 1947, № 4. Научное описание двух табличек с письменами кохау ронго-ронго привезенных Миклухо-Маклаем, было сделано А. Б. Пиотровским. См. A. Piotrowski, Deux tablettes avec les marques gravées de l'île de Pâques, de la collection de N. N. Micloukho-Maclay, «Revue d'ethnographie et des traditions populaires», т. 5, Paris, 1924.

Ю. В. Кнорозовым. Они пришли к выводу, что данная письменность имеет иероглифический характер, обнаружили в текстах смысловые группы знаков, а также установили содержание отдельных отрывков (генеалогии, списки убитых и растений)²¹. Опираясь на успехи в изучении кохау ронго-ронго, Н. А. Бутинов предпринял попытку реконструкции некоторых моментов ранней истории острова Пасхи²². Исследование этой пока еще не расшифрованной письменности продолжается, причем одновременно изучаются другие стороны местной культуры.

Советские этнографы уделяют значительное внимание анализу тех глубоких, зачастую трагических изменений, которые произошли в жизни народов Океании в результате их приобщения к капиталистической цивилизации и установления на островах колониального режима²³. При этом специально исследуется та роль, которую сыграли в указанных изменениях христианские миссионеры²⁴. Наши ученые прослеживают в своих работах процессы этнической консолидации, происходящие в Океании, интересуются современным положением населяющих ее народов, изучают местные формы национально-освободительного движения²⁵. Н. А. Бутинов заканчивает подготовку большого обобщающего труда по этнографии Новой Гвинеи, в котором подробно исследуются изменения в культуре и быте папуасов в условиях колониального режима; автор настоящего доклада завершает работу над монографией, в которой рассматриваются последствия «американизации» Гавайских островов для коренного населения этого архипелага.

Этнографическое изучение народов Океании с особой силой развернулось в СССР после второй мировой войны, что связано с расширением международных связей советского народа и все увеличивающимся интересом советской общественности к жизни народов зарубежных стран. Итоги предпринятых исследований были подведены в 1956 г. в коллективном труде «Народы Австралии и Океании». Эта книга, вышедшая под редакцией С. А. Токарева и С. П. Толстова, по существу является первым в мировой научной литературе опытом создания всестороннего обобщающего труда о народах Австрало-Океанийской области. Ее авторы уделили много внимания вопросам этногенеза, постарались дать

²¹ Н. А. Бутинов и Ю. В. Кнорозов, Предварительное сообщение об изучении письменности о-ва Пасхи, «Сов. этнография», 1956, № 4, (английский перевод в «The Journal of the Polynesian Society», т. 66, Wellington, 1957, № 1; испанский перевод в «Revista Geografica Americana», т. 41, Buenos-Aires, 1957); Н. А. Бутинов, Иероглифические тексты острова Пасхи (Рапа-Нуи), «Вестник истории мировой культуры», 1959, № 3; его же, Личные имена на дощечках острова Пасхи, «Journal of Austronesian Studies», т. 2, ч. 1, Victoria B. C., 1960 (Статья опубликована на русском языке).

²² Н. А. Бутинов, Короткоухие и длинноухие на острове Пасхи (По материалам кохау ронго-ронго), «Сов. этнография», 1960, № 1.

²³ С. А. Токарев, Проблема изучения современного положения народов Австралии и Океании, «Краткие сообщения Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая», т. VII, М., 1949; «Народы Австралии и Океании», гл. 19, 23, 30—34; А. И. Блинов, Масрийские войны, «Океанийский этнографический сборник», Труды Ин-та этнографии АН СССР, т. XXXVIII, М., 1957; Д. Д. Тумаркин, Из истории гавайцев в конце XVIII — начале XIX в., «Сов. этнография», 1958, № 4; его же, «Сандаловый бизнес» американских колонизаторов на Гавайских островах. Сб. «Страны Азии. История и экономика», М., 1959.

²⁴ М. С. Бутинова, Роль миссионеров в распространении европейской культуры на Новой Гвинее, «Вестник истории мировой культуры», 1960, № 2; Д. Д. Тумаркин, К вопросу о «просветительской деятельности» американских миссионеров на Гавайских островах, «Краткие сообщения Ин-та народов Азии», т. LII М., 1962.

²⁵ Н. А. Бутинов, Школьная политика колонизаторов в Австралии и Океании, «Сов. этнография», 1950, № 2; его же, Западный Ириан (Этнографический очерк), «Сов. этнография», 1957, № 4; его же, Маори (Историко-этнографический очерк), «Океанийский этнографический сборник», Труды Ин-та этнографии АН СССР, т. XXXVIII, М., 1957; Н. А. Бутинов и М. С. Долгоносова, Принудительный труд в Австралии и Океании, «Сов. этнография», 1949, № 4; «Народы Австралии и Океании», гл. 20—23, 32—34; С. А. Токарев, Происхождение общественных классов на островах Тонга, «Сов. этнография», 1958, № 1.

научное объяснение самых сложных явлений культуры и быта. В книге указываются подлинные, конкретно-исторические причины отставания в культурном развитии народов Океании и в то же время подчеркивается, что последние внесли немаловажный вклад в мировую культуру. Большое место в этом фундаментальном труде отведено рассмотрению положения коренного населения тихоокеанских островов в современный период. Книга богато иллюстрирована, причем в качестве иллюстраций широко использованы коллекции Музея антропологии и этнографии в Ленинграде.

Заметное место в работе советских этнографов-океанистов занимает рецензирование трудов иностранных авторов. Только за последние три года в советских научных изданиях ими были опубликованы обзоры журналов «Oceania» и «The Journal of the Polynesian Society» и 12 рецензий, некоторые из которых имеют самостоятельное значение. Этнографы-океанисты СССР, как и другие советские ученые, выступают за развитие контактов со своими зарубежными коллегами и готовы вести с ними научные дискуссии.

Одной из основных черт современной эпохи является крах мировой колониальной системы. Завоевание политической независимости народом Западного Самоа свидетельствует о том, что при всем своеобразии местных условий этот всемирный процесс не минует и Океанию. Оставаясь на позициях строго объективного научного исследования, советские этнографы не скрывают своего сочувствия освободительным устремлениям народов колониальных и зависимых стран, осуждают все формы колониализма и расовой дискриминации.
